

ФЕНОМЕН РАЦИОНАЛЬНОСТИ И КРИЗИС КУЛЬТУРЫ

И.Н. Колядко

г. Минск, БГУ, expireauto@yandex.ru

Цель статьи – выявить специфику и характер взаимосвязи феномена рациональности с процессами становления, динамики и трансформации европейской модели культуры, определить параметры кризиса «современности» как специфического социокультурного и цивилизационного проекта.

Ключевые слова: ценность, Просвещение, идея рациональности, кризисный модерн.

Идея рациональности является краеугольным камнем, основанием европейской культуры, а в эпоху Просвещения за ней закрепился статус одной из фундаментальных ценностей. Неслучайно кризис современного общества и культуры исследователи проблем социальной и цивилизационной динамики соотносят непосредственно с кризисом рациональности. Системный цивилизационный кризис, по мнению Ю.А. Никитиной и А.В. Корниенко, является «отражением ещё более глубокого кризиса в сфере сознания, кризиса рационализма, приведшего к утрате миром ощущения его целостности и единства, и оказавшего катастрофическое воздействие на социум, вступающий в новое тысячелетие. Сегодня рациональность эпохи постиндустриализма подвергается серьезным изменениям, а ее основы (демократия, закон, наука) – деформирующему воздействию беспрецедентных по масштабу трансформаций» [1, с. 63].

Симптоматично, что вопросы рациональности в современной социальной философии рассматриваются в контексте экологических, антропологических, социально-культурных рисков и угроз. Вместе с тем, как отмечают О.В. Новикова и В.С. Сайганова, в исследованиях все чаще «артикулируется зависимость кризисных явлений от мировоззренческих установок человека», что непосредственно связано со «свойственной индустриальной цивилизации эскалации научно-технического прогресса, призванного облегчить жизнь человека», результаты которого «обернулись угрозой экологического кризиса, а основанные на вере в могущество человеческого разума масштабные социальные трансформации инициировали затяжной антропологический кризис второй половины XX – начала XXI в.» [2, с. 56]. Видоизмененная, существенно трансформированная классическая рациональность как ценность европейской культуры стала «рациональностью кризисной», что, в свою очередь, оказало влияние на формирование общества нового типа – «кризисного модерна».

Понятие «кризисный модерн» акцентирует внимание на состоянии «современности» как типа цивилизационного развития в начале XXI столетия. «"Кризисный модерн", – поясняет Д.Е. Карташов, – представляет собой такую модель общества, в которой основные идентичности и институты модерна продолжают существовать, но в деформированном, разлагающемся состоянии» [3, с. 17]. Кризис рациональности и, соответственно, кризис общества современного типа, проявляются в самых разнообразных аспектах. Во-первых, «обратной стороной роста рациональности оказывается возрастание иррациональности и неразумности, следствием чего стала катастрофа XX столетия»; во-вторых, современное общество – это «тотально управляемый социумом», а тоталитаризм, в свою очередь, являясь продуктом именно современной эпохи, выступает в качестве «такой формы социальной организации, при которой политическая власть контролирует все сферы жизнедеятельности общества и индивида» [4, с. 240]. Связь современности и тоталитаризма является фундаментальной и выражается, в частности, в том, что «рациональность в современном обществе эксплицируется как "тоталитарный разум", "забвение Бытия", "интервенция системных императивов" или "дисциплинарная власть"» [3, с. 9].

Деструктивный характер такого типа рациональности для культуры и общества очевиден, что, в свою очередь, убеждает в необходимости выработки альтернативной стратегии развития современных обществ исходя из иных ценностных приоритетов. «Для преодоления кризиса европейской рациональности, – отмечает Д.Е. Карташов, – следует обратиться к переформулированию ее базисных предпосылок, включая признание относительности рационалистической парадигмы, плюрализма типов и форм рациональности, осуществить переход к парадигме диалогизма и коммуникации» [3, с. 9]. Преодоление кризисных тенденций и рисков оказывается возможным только в том случае, если в основании стратегии посткризисного развития будет положен иной тип рациональности, наиболее соответствующий требованиям и социокультурной специфике эпохи глобальной нестабильности. Таким образом, ориентация цивилизационного развития ставится в зависимость от принятого типа рациональности, что в очередной раз подчеркивает уникальность этой культурной ценности для устойчивой динамики современных модернизирующихся обществ.

Современная социальная философия исходит из признания фундаментальной связи кризиса в динамике европейской культуры с феноменом рациональности, понимаемой в качестве «деятельности в рамках принятой системы когнитивных и ценностных предпосылок» [5, с. 31-32]. Проблема рациональности в истории европейской культуры всегда находилась в тесной связи с вопросом о том, какими сущностными характеристиками наделялся сам разум. Различные ответы на этот ключевой вопрос и стали основаниями различных подходов и стратегий понимания и осмысления феномена рациональности. Своего рода образцовой для европейской культуры, классической стала «логоцентрическая» парадигма. Для этой парадигмы, как отмечает В.Н. Порус, «характерно убеждение в абсолютности и неизменности законов вселенского разума, постигаемых человеком и обнаруживаемых им в собственном мышлении. Это убеждение было связано с культурными универсалиями, доминировавшими на протяжении культурных эпох» [6, с. 24].

Однако с течением времени критерии рациональности, равно как и ее границы стали предметом критики и многочисленных дискуссий, было выявлено, что тот или иной тип рациональности базируется на определенных когнитивных и ценностных предпосылках, не подвергавшихся рефлексивному осознанию и критическому исследованию. Нежелание выйти за пределы этих предпосылок, а, следовательно, неспособность понять уникальность других, неевропейских, культур, их самобытность, вступить в ними в равноправный диалог стало составной частью кризиса классического европейского «логоцентрического» рационализма как системы культурных универсалий. В работах Т.Ю. Сидориной, В.М. Межуева, В.Н. Поруса и др., показано, что одной из ключевых причин кризиса «логоцентрической» парадигмы рациональности является действие и эволюция противоречий, заложенных в основании европейской культуры, всплеск которых пришелся на XIX и в особенности XX вв. под влиянием социальных, экономических, политических факторов. «Одно из таких противоречий, – поясняет В.Н. Порус, – "парадокс свободы": универсалией европейской культуры является свобода индивидуума, но в то же время эта культура требует ограничения свободы ради общественного единства». Вместе с тем «"противоречие свободы" на протяжении веков "разрешалось" благодаря идее Благого Бога; она придавала "свободному подчинению" сакральный смысл, чего было до поры достаточно, чтобы противоречие не приводило к расплыванию духовной ткани культуры. Сомнение же преодолелось усилием веры» [6, с. 24].

Динамика кризиса европейской культуры соответствует динамике трансформаций типов рациональности. Доминирующий в эпоху Нового времени тип рациональности, допускающий и санкционирующий контроль со стороны человека окружающей его природной и социальной среды и, соответственно, понимаемый как способ

человеческого освобождения, породил современный тоталитаризм, метафизическая сущность которого заключается в упразднении дифференциации, т.е. иерархии ценностей и норм. Это, в свою очередь, поясняет С.В. Голубев, «объективно ведет к деструктуризации и аморфизации социума, к атомизации социального бытия, разобщению общества», являясь одним из «глобальных рисков» современности как определенной эпохи развития человечества, своеобразного социокультурного феномена» [4, с. 240-241]. Все эти деструктивные для социального бытия процессы, приводящие к хаотизации, дезорганизации и, соответственно, кризису общественных отношений стали предметом анализа уже в «Диалектике Просвещения» М. Хоркхаймера и Т. Адорно. Исследуя феномен отчуждения и специфику «современности» франкфуртцы пришли к выводу, согласно которому в XX столетии диалектика инструментального разума стремится к одной-единственной цели – господству, осуществлению тотальной власти. Ослабление, вследствие тотального отчуждения, социальных связей, превращение общества в лишенную внутренней структуры, бессвязную массу является одним из предпосылок социальной нестабильности и кризиса, а перманентно неустойчивый социальный порядок выступает наиболее благоприятной средой для различного рода манипуляций. Таким образом, происходит размывание, а по существу упразднение конституирующих социум ценностей, общество вступает в полосу кризиса.

Очевидно, что западный тип цивилизации, получивший импульс для своего развития в эпоху Возрождения и сознающий себя как «современность», «современная цивилизация» базируется на определенных, ценностно-ангажированных, идейных основаниях. Кризис в данном контексте понимается и как трансформация, и в тоже время как смена парадигм рациональности, составляющих ядро, квинтэссенцию европейской культурной модели. В этой связи можно говорить о том, что системные культурно-цивилизационные, парадигмальные кризисы в истории Европы хронологически соответствуют периодам смены типов рациональности. «Каждому этапу истории, – поясняет эту мысль И.А. Ланцев, – соответствует свой образ мира, который непрерывно изменяется. Кризис (греч. – суд, решение, выбор, приговор) рациональности причинно обуславливает трансформационные процессы в сознании и культуре» [7, с. 14]. Картина мира, формирующаяся новым типом рациональности, становится нарративом, определяющим стратегию развития общества.

Сегодня феномен рациональности претерпевает существенные изменения, сталкиваясь с новыми цивилизационными вызовами. В «эпоху перемен» важно своевременно осуществлять профессиональное критическое обсуждение когнитивных и ценностных предпосылок рациональности, оказывающих непосредственное влияние на динамику социокультурного развития и будущее современных обществ.

Список использованной литературы

1. Никитина, Ю.А. Кризис современного рационализма и становление коэволюционно-инновационной рациональности / Ю.А. Никитина, А.В. Корниенко // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – № 6 (том 316). – С. 63-68.
2. Новикова, О.В. Феномен рациональности в современной культуре: антропологическое и когнитивное измерения / О.В. Новикова, В.С. Сайганова // Философия и социальные науки. – 2014. – № 3. – С. 56-60.
3. Карташов, Д.Е. Рациональность как социальный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Д.Е. Карташов. – Саранск, 2009. – 21 с.
4. Голубев, С.В. Об одном "глобальном риске" современности / С.В. Голубев // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Междунар. науч. конф. к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14-15 апреля 2011 года / науч. ред. совет: А.А. Лазаревич и др.; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 240-242.

5. Лекторский, В.А. Рациональность как ценность культуры / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 26-34.
6. Порус, В.Н. Многомерность рациональности / В.Н. Порус // Философия и социальные науки. – 2010. – № 1. – С. 24-29.
7. Ланцев, И.А. Кризис и будущее современного образования. Философия и науки в поисках новой образовательной парадигмы / И.А. Ланцев // FutureHumanImage. – 2014. – № 2. – С. 10-34.

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

А.П. Косов

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, alekos1979@mail.ru

Целью статьи является рассмотрение имеющихся оценок процесса создания Союзного государства российскими экспертами.

Ключевые слова: Беларусь, интеграция, Россия, Союзное государство, эксперты.

8 декабря 1999 г. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко и Президент России Б. Н. Ельцин подписали Договор о создании Союзного государства [1]. Еще до его подписания российское экспертное сообщество разразилось шквалом комментариев, оценок и прогнозов запускаемого Минском и Москвой интеграционного проекта. Известно, что среди российских экспертов можно выделить как сторонников, так и противников создания Союзного государства.

В первую очередь, исходя из ограниченного объема настоящей публикации, обратим внимание на мнения достаточно известных российских политологов – С. А. Маркова, В. А. Никонова, К. Ф. Затулина, К. Е. Коктыша, Н. А. Нарочницкой, М. Г. Делягина, А. И. Суздальцева и др. Хотя это никоим образом не означает, что точки зрения не названных экспертов по рассматриваемой проблеме не заслуживают внимания.

Следует отметить, что большинство российских экспертов, как из числа сторонников, так и противников российско-белорусской интеграции, еще в октябре 1999 г. высказало скепсис относительно эффективности Союзного государства. Многие известные политологи, основываясь на практических результатах единения России и Беларуси в 1996–1999 гг., выразили сомнение в успехе нового интеграционного проекта. Так, директор Института политических исследований С. А. Марков подчеркивал, что у политических элит России отсутствует твердая политическая воля к объединению. По его словам: «Этот договор – не столько шаг вперед к объединению, сколько очередная профанация интеграционных процессов» [2]. Президент фонда «Политика» В. А. Никонов высказал сомнение в прорыве в создании российско-белорусского союза. Согласно политологу, Минск в тот момент был готов идти достаточно далеко в процессе интеграции, но Кремль ставил более ограниченные цели [2]. По словам директора Института стран СНГ К. Ф. Затулина, в политической сфере между Россией и Беларусью значительного продвижения не произошло [2]. С точки зрения политолога А. Ч. Касаева, каким бы патриотичным и мудрым ни выглядело намерение Москвы и Минска воссоздать единое государство на основе равноправия, разница между экономиками двух стран не позволит этого сделать. Слишком велики различия в стартовых условиях накануне образования союза между двумя государствами. По его мнению, Минск с самого начала, несмотря на все публичные заявления своего руководства, шел на выполнение требований Москвы [3].